

Д. В. КОНКИН

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КРЫМУ В ПОСЛЕДНЕМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XVIII В.

Последнее десятилетие XVIII в. в истории крымского землевладения является очень важным периодом. В этот временной отрезок в основном заканчивается передел земельных ресурсов в регионе и начинается процесс законодательного оформления новыми хозяевами своей собственности. Поскольку задача земель в Крыму сопровождалась многочисленными нарушениями и злоупотреблениями, то возникает большое количество претензий со стороны ущемленного старожильческого населения, требующего возврата своих традиционных владений. Решение этих проблем растянулось на весь XIX век и, по сути, так и не было осуществлено. Именно поэтому изучение различных аспектов крымского землеустройства на начальном этапе дает возможность лучше понять суть проблем в земельных отношениях на полуострове, сложившихся в веке XIX-м, и требует самого пристального внимания со стороны исследователей.

Подробнее другие земельные отношения конца XVIII в. в Крыму изучали в XIX в. такие исследователи, как Ф.Ф. Лашков [1], А. Воскресенский [2], Г.Ф. Блюменфельд [3]. В советский период к данной тематике обращались Е.И. Дружинина [4], С.А. Секиринский [5]. На современном этапе некоторые вопросы крымского землеустройства затрагивали Л.И. Рославцева [6, с. 183-188] и С.П. Дерий [7].

Источниками для данной статьи послужили архивные дела и нормативные акты рассматриваемого периода. В научный оборот вводится ряд новых документов. Также частично дополнены уже известные архивные данные. В целом, для написания статьи были задействованы дела из следующих фондов Государственного архива Автономной Республики Крым: № 24 (фонд Комиссии, учрежденной для разборов споров по землям и для определения повинностей на Крымском полуострове), № 799 (фонд Таврического областного правления), № 801 (фонд Екатеринославского и

Таврического генерал-губернатора). Нормативные акты большей частью приведены из Полного собрания законов Российской империи.

Целью данного исследования является определение некоторых особенностей в земельных отношениях Крыма, сложившихся после смерти Г.А. Потемкина. Для этого с помощью новых архивных данных обозначаются проблемы землеустройства Крыма, и при помощи анализа законодательных актов выявляются попытки царской власти по устранению этих проблем.

После смерти осенью 1791 г. Г.А. Потемкина общее руководство всем Новороссийским краем более полутора лет напрямую осуществляла Екатерина II. Выполнение функций генерал-губернатора столь обширной территории, к тому же нуждающейся в активном хозяйственном освоении, требовало постоянного присутствия в регионе. Естественно, императрица не могла себе этого позволить. Возможно, именно поэтому в короткий период ее непосредственного руководства Новороссией освоение края продолжалось в рамках политики, осуществляемой ранее Г.А. Потемкиным, которому императрица всецело доверяла. Между тем в крае накопилось огромное количество проблем, в том числе связанных с распределением казенных земель в Таврической области, однако, никаких судьбоносных решений по их урегулированию властью не предпринималось.

25 июля 1793 г. Екатеринославским и Таврическим генерал-губернатором стал фаворит Екатерины II граф П.А. Зубов. С его назначением в землеустроительной политике в Крыму наблюдаются некоторые изменения.

Во-первых, была приостановлена бесплатная раздача земель. Согласно указу императрицы от 23 июня 1794 г. повелевалось «<...> с сего времени остановить уже раздачу земель в тех губерниях, в которых она для населения была от Нас дозволена» [8, т. 23, № 17228]. Объяснялась и причина такого запрета: предполагалось «порозжие казенные земли обратить в продажу для приращения казны». Для Таврической области данный указ был весьма актуальным, поскольку фонд казенных земель здесь стремительно сокращался. Необходимо заметить, что еще со времен управления краем Г.А. Потемкиным практически все указы в отношении Новороссии, подписанные императрицей, инициировались генерал-губернатором. Такая же практика, когда Екатерина II всецело доверяла ведение хозяйственных дел и соответственно право законодательной инициативы в отношении управляемого края его руководителю, должна была сохраниться и при П.А. Зубове, к которому императрица также относилась с большим доверием. Поэтому вероятнее всего, что данный и последующие указы были представлены Екатерине II непосредственно с подачи Екатеринославского и Таврического генерал-губернатора.

Следующий указ от 9 ноября 1794 г. [8, т. 23, № 17265] был утвержден Сенатом на основании доклада П.А. Зубова [4, с. 203] и оставлял всех старожильческих

жителей Тавриды в свободном распоряжении принадлежащей им недвижимости. Ранее мы уже давали правовую оценку данному документу [9, с. 637], здесь же хочется акцентировать внимание на предпосылках появления указа и его роли в складывающихся земельных отношениях на Крымском полуострове.

Итак, наряду с предоставлением владельческих прав на землю простым крымским татарам, указ вводил принципиальное ограничение в возможности новых приобретений земельных участков (т.н. «дворянских имений»), распространявшееся на большую часть местных жителей. Согласно указу, право на приобретение «дворянских имений» (покупкой или же каким-либо другим способом) предоставлялось теперь исключительно дворянам и чиновникам вне зависимости от их национальности. Таким образом, с момента введения текста указа в действие из числа потенциальных новых приобретателей земли вычеркивались простые крымские татары, а также практически все мусульманское духовенство. Именно на последнюю категорию, по нашему мнению, была направлена запретительная часть закона. Вряд ли кто-либо всерьез рассматривал бедных татар-общинников в качестве реальных новых собственников дворянских имений, в то же время духовенство владело достаточными средствами, а самое главное – механизмом для приобретения новых владений.

Таким механизмом был институт т.н. духовного вакуфа, согласно которому любой мусульманин мог передать свою бесспорную собственность (как движимое, так и недвижимое имущество) в пользу какого-либо религиозного учреждения (на содержание мечети, медресе, мектебе и др.), или же на какую-либо благотворительную цель. В любом случае контроль над исполнением условий вакуфного договора, поддержание вакуфного имущества в надлежащем состоянии, а, в конечном итоге, в случае невозможности использования вакуфа по указанному завещателем назначению, и распоряжение им принадлежало духовенству. Такого рода завещания были широко распространены среди крымских татар, так как считались богоугодным делом и приносили немалый авторитет посвятителем вакуфа в кругу местной общины. С усилившейся эмиграцией крымских татар, несомненно, должно было увеличиться количество подобных завещаний. «Оставшиеся земли отказываются (татарами – Д.К.) родственникам и мечетям», – отмечал Е.Л. Марков [10, с. 306]. В ином варианте просто покинутая, непроданная переселяющимся собственником земля пополняла фонд казенных земель Российской империи, чего эмигрирующие крымские татары, естественно, не желали.

Помимо вышеозначенного духовного вакуфа, в Крыму существовало множество частных вакуфов, имущество которых формально «посвящалось» Богу, хотя, на самом деле, доходы с такого имущества почти в полном объеме оставались в роду посвятителя. Само имущество иммобилизовалось, а духовенство получало небольшой процент за сохранение этого имущества в

целостности и защиту его от внешних экспансий, а также право полного распоряжения вакуфом в случае прекращения рода посвятителю. Владели землями в таком виде, как правило, мелкие собственники, которые искали защиты у духовенства от возможных претензий на свои участки со стороны крымскотатарских беев и мурз. Тенденция к распространению такого рода завещаний после присоединения Крыма к России должна была, по всей видимости, усилиться, поскольку помимо местных феодалов появились более мощные претенденты на земли простых татар в лице российских дворян и чиновников.

Таким образом, все вакуфные земли находились в той или иной степени под контролем мусульманского духовенства. В варианте духовного вакуфа оно напрямую контролировало и распоряжалось завещанными на определенные благотворительные цели средствами и имуществом. В частном вакуфе – землей непосредственно распоряжался ее завещатель, но обряд посвящения вакуфа и опека над посвященным имуществом находились под эгидой духовенства. Если брать в расчет одну недвижимость, то вакуфные земли занимали огромные пространства по всей территории Крымского полуострова, также существовало великое множество постоянных дворов, мельниц, колодцев, лавок и т.п. построек в населенных пунктах Крыма. Владеть и пользоваться этим имуществом позволялось всем имеющим на то право жителям (согласно пожеланиям посвятителю вакуфа), что гарантировалось мусульманскими узаконениями.

После указа 9 ноября 1794 г. мусульманское духовенство не могло впредь совершать какие-либо операции в сфере собственности или владения недвижимостью. Поскольку в восточной системе землепользования частные сделки духовенства практически отождествлялись с их общественными функциями, а также учитывая тенденцию закрепления духовных должностей в Крыму (соответственно, и вытекающим отсюда правом распоряжения монастырским имуществом и благотворительными средствами) за конкретными родами [11, с. 165], российская бюрократия не находила различий между благотворительными актами и частными интересами. Таким образом, все дальнейшие посвячительные акты и другие подобные действия мусульман, основанные на благотворительном институте вакуфа и находящиеся под патронатом духовенства, считались незаконными с точки зрения российского законодательства.

Указ этот был выгоден, прежде всего, российским дворянам, местному чиновничеству, а также татарским беем и мурзам, которые в лице мусульманского духовенства имели мощнейшего конкурента в сфере землевладения. Неслучайно, что инициирован указ был местным чиновничеством. Еще при жизни светлейшего князя Г.А. Потемкина 17 января 1791 г. Таврическая Палата гражданского суда предоставила последнему определение, где подробно была изложена суть проблемы, позднее получившей законодательное разрешение в виде рассматриваемого указа [12, л. 40 об., 41]. Как видно по

дате определения, тогда инициатива с места не получила поддержки «сверху». Однако это не помешало той же Палате самостоятельно ввести мораторий на заключение каких-либо сделок с перечисленными в указе категориями населения на продаваемые и закладываемые ими друг другу «недвижимые дворянские имения» до получения официального решения. Таким образом, указ от 9 ноября 1794 г. лишь оформил уже существующее в Крыму положение вещей. Возглавлял Таврическую Палату гражданского суда в этот период надворный советник Евстафий Иванович Нотара – крупный крымский землевладелец, а в дальнейшем известный общественный деятель, высокопоставленный чиновник, с 1803 г. – первый предводитель дворянства в новообразованной Таврической губернии [13, с. 305]¹. Он, по всей видимости, был хорошо осведомлен относительно вакуфной собственности, поскольку сам являлся владельцем нескольких довольно крупных земельных участков, которые оспаривались татарами как вакуфные.

Так, в одном из архивных дел [16] мы находим перевод прошения, написанного крымскотатарскими жителями д. Эльбузлы (совр. с. Переваловка Советского района [17, с. 72]) Кокташской волости: «При оной деревне собственно нам от предков наших принадлежащие, к мечету и текие также принадлежащие земли, леса и зимовники г. Нотара без всяких правил уже тому будет 15 лет к себе отмежевал, потом Г. генералу Мордвинову продал; по таковой нашей обиде ... просим ... имения нам возратить. – Подписано тако: д. Эльбузлы Шейх Хасан Челеби. Октября (?) дня 1802 г.» [16, л. 47 об.]. Нужно отдать должное дипломатическим способностям Е.И. Нотары (к тому времени уже получившего чин статского советника), которому, судя по его ответу в Комиссию по разбору земельных споров, удалось самостоятельно договориться с жалобщиками [16, л. 138 об.].

В том же архивном деле определенный интерес представляет копия ордера на отвод дачи, выданного Е.И. Нотаре и подписанного Г.А. Потемкиным: «Г. действительному статскому советнику и кавалеру Каховскому.

Надворному советнику Таврических карантинных начальнику и кавалеру Нотаре, по жительству его в Области Таврической, предписываю приказать отвести дачу Токлук (совр. с. Богатовка Советского района [17, с. 72]; здесь и далее подчеркнуто так же, как и в оригинале документа – Д.К.) в Феодосийском уезде и при деревне Элбузле сколько принадлежит в оной казенной и никем не занятой земли с лесом, и на потомственное владение снабдить планом и межевыми книгами. По подлинной подписи: князь Потемкин Таврический» [16, л. 1]. На этом, собственно, текст ордера заканчивается.

¹ Однако не первый губернский предводитель дворянства в Тавриде в целом. В Таврической области до Е.И. Нотары губернский предводителем дворянства был статский советник (с 13 октября 1796 г. действительный статский советник [14, л. 89]) Мегмет Шах бей Ширинский [15, с. 214].

Однако ниже находится приписка: «В подлинном ордере приписаны: между строк слово Токлук, да к речи при деревне прибавлена буква и, а с нею выходит и при деревне. В прочих же ордерах таковой приписки нет. 21 сентября 1788 г.» [16, л. 1].

Таким образом, если убрать приписанные к ордеру позднее слова, то текст должен читаться по-другому: «...предписываю приказать отвести дачу в Феодосийском уезде при деревне Элбузле... (и далее по тексту – *Д.К.*)», а значит, ни о какой даче Токлук изначально в ордере не упоминалось. Когда возникла эта приписка, кем она была написана, была ли она, когда Г.А. Потемкин подписывал ордер – неизвестно. Известно лишь, что к владениям Е.И. Нотары при д. Токлук крымские татары также предъявляли претензии, однако и это дело ловкий чиновник сумел урегулировать. «Здравый рассудок», «тонкий и пронизательный ум» Е.И. Нотары, а также доверие к нему мурз отмечали современники [18, с. 2]. Последнее, по-видимому, было обусловлено той должностью, которую занимал с 1803 г. Е.И. Нотара – предводитель дворянства. Отстаивая общие интересы в деле предоставления татарским мурзам и греческим переселенцам российского дворянства, Е.И. Нотара заработал большой авторитет среди местной знати. Данное обстоятельство помогало ему в выгодном ключе решать дела с земельной собственностью, действуя через татарских мурз, в ущерб неискушенным в подобных делах с недвижимостью простым татарам. Среди жалоб со стороны крымских татар, которые рассматривала «Высочайше учрежденная Комиссия для разборов споров по землям и для определения повинностей на Крымском полуострове» в 1802-1810 гг., можно встретить и другие дела, в которых Ефстафий Нотара обвиняется в несанкционированном захвате земли, в т.ч. и вакуфной [19, л. 21 об., 25, 115; см. также: ГААРК, ф. 24, оп. 1, дд. 20, 47, 54, 55, 81, 84, 92, 97, 138].

Частный пример является характеристикой общей ситуации, сложившейся в Крыму в конце XVIII в. Местные бюрократы, российские помещики, лояльная к России крымскотатарская знать взаимовыгодно сотрудничали в сфере землевладения. Путем различного рода злоупотреблений огромные пространства земли в Крыму находили новых владельцев в лице помещиков, чиновничества, бейства. Чиновники, олицетворяющие собой государственную власть на местах, не проявляли большого усердия в защите старожильского населения от произвола помещиков, что порождало среди последних чувство вседозволенности, безнаказанности.

Подтверждения сложившейся ситуации мы находим и в архивных делах. Таврический губернатор Семен Семенович Жегулин в своем объяснении описывает следующий пример: «В прошедшем 1790 г. премьер-майор, что ныне подполковник Павлов, в Таврическом легионном полку имеющем неперменные свои квартиры <...> в близком весьма расстоянии от д. Тууш

(в бывшем Феодосийском уезде, Учкуйской волости [17, с. 195] – Д.К.) <...> при выходе полку остался в тех квартирах с оставленной от полку для сенокосения командою, и пользуясь самовластием завладел насильно <...> оной д. Тууш землями и угодьями, принадлежащими как казенному ведомству, так и жителям татарам, делая им не только угрозы, но и всякие притеснения, и побои в случае бываемого от них противоречия к защите их собственности, употребляя к тому во зло команду под начальством его находившуюся». Для разбирательства жалоб от татар и для «снятия округи той на карту» на место был послан от правителя области землемер поручик Затуру-Туровский, который, собрав «с соседних деревень старожилов людей выехал на землю помянутой округи». Однако подполковник Павлов, «посаждая команду свою на коней ... приехав на округи к землемеру, объявил, что, несмотря на ... данное ему (землемеру – Д.К.) повеление не допустит его к работе в снятии земель на план». Когда землемером был предъявлен ордер, данный от губернатора, Павлов «...кинул бумагу на землю, бросился стремительно с выехавшей с ним командою на собранных для произведения работы жителей, разогнал всех, страшая сильными угрозами, если осмелятся исполнять приказания землемера». Далее подполковник вместе с командой поехал назад через д. Тууш, «дабы показать всем и в домах находившимся жителям, что гражданское правительство не может защитить их от его насильства...» [20, л. 88-89 об.].

Случай был из разряда экстраординарных и искренне возмутил Таврического губернатора. «Притеснения, обиды и насильства деланные Павловым жителям д. Тууш и других окрестных превосходят всякое вероятие», – писал С.С. Жегулин своему непосредственному начальнику генерал-губернатору П.А. Зубову и далее: «Я некоторых из них (местных жителей – Д.К.) собрав, вопрошал лично о причине удаления их от жилища своего и своих предков; на что все единогласно отвечают, что они готовы были лучше потерять свою собственность, нежели быть в непрестанном страхе...» [20, л. 87].

Несмотря на вопиющие нарушения законов, неповиновение государственной власти, следствие по описываемому делу состоялось лишь через 3 года – в 1793 г., когда генерал-губернатором Таврической губернии стал П.А. Зубов. В ходе следствия открылось, что Павлов в нарушение законов Российской империи скупил земельные участки, «принадлежащие малолетним от их родственников, а присовокупя к тому и казенные [земли], равно и татарам принадлежащие под именем мурз, якобы их собственные, совершил в Гражданской Палате купчие и крепости...» [20, л. 89, 89 об.].

Необходимо заметить, что помогали Павлову осуществлять подлог крымскотатарские помещики. Как видно из того же дела, помещики Мамют Мурза Ширинский, Муратша Мурза, Абдиль Ага, Гусейн Казы Мурза и помещица Дуду Ханым самовольно завладели принадлежащей казне землей «после выехавшего

за границу Мамбет Гирей Мурзы», а также землями «казенных татар» и «всех к ним угодий», а затем перепродали их подполковнику Павлову [20, л. 1-1 об.]. И если поведение и действие Павлова были вопиющим, но все-таки исключительным событием, возмущившим даже губернатора, то осуществляемая татарскими мурзами торговля не принадлежащими им земельными участками единичным случаем не являлась. Так, например, жители д. Кырк Кадыкойской волости жаловались на помещика Сеит Агу Челеби «за отнятие собственно им принадлежащих земель и продажу оных помещику Ягъязару Каракашу». Здесь дело закончилось полюбовно. Вероятно, Сеит Ага вынужден был заплатить какие-то отступные. Жители, «получа от него полное удовольствие, помирились», – выясняется из содержания дела [21, л. 61].

Нередким явлением была перепродажа русскими помещиками земель, полученных ими бесплатно от государства под определенные обязательства. Приведем характерный пример. Согласно ордеру Г.А. Потемкина от 9 февраля 1787 г., некто полковник М.Л. Фалеев был наделен землей, состоящей на р. Кача при д. Сиз Абе «для вечного потомственного владения», однако с условием, «чтоб о скором заселении сих мест употребил он всемерное старание» [22, л. 1, 47; см. также: 4, с. 121]. Предприимчивый помещик уже через несколько лет (в 1792 г.) продает доставшееся ему имение вице-адмиралу Н.С. Мордвинову, переключивая, таким образом, на последнего и выполнение обязательств по заселению, под которые сам М.Л. Фалеев бесплатно получал участок. Помимо проблемы заселения приобретенного участка, Н.С. Мордвинов чуть позже сталкивается с еще одной. Оказывается, что участок, доставшийся М.Л. Фалееву, согласно ордеру Г.А. Потемкина, изначально был вымежеван неверно, и теперь нашлись обиженные собственники из крымских татар, которые требуют уже от Н.С. Мордвинова вернуть неправильно отнятое. Таким образом, помимо татар, зачастую от неустроенности крымского землепользования страдали собственники «второй очереди», которые, во-первых, вынуждены были выполнять обязательства и решать проблемы, доставшиеся в наследство от предыдущих владельцев, а во-вторых, оказывались заложниками чиновничьих ошибок, которые изначально раздавали земли, на которые вскоре находились хозяева среди татар. В схожей ситуации оказался и губернский секретарь В.С. Чернов. Он приобрел у помещика Волкова земельный участок (доставшийся последнему покупкой от татарских мурз), на который к моменту приобретения уже предъявляли претензии местные жители. В результате вскоре татары буквально завалили присутственные места жалобами на «неправильное завладение землями» В.С. Черновым, к чему он, по сути, не имел никакого отношения [23, л. 3-3 об., 91]. К слову, такой же проблемный участок (лесной массив) помещик Волков продал и Н.С. Мордвинову [23, л. 91]. Позднее В.С. Чернов стал доверенным

лицом крымских помещиков в вопросах по урегулированию земельных отношений в Крыму и лично доставил дворянскую петицию с изложением позиции по данному вопросу в Петербург императору Александру I, в которой отчетливо прозвучали обвинения в адрес местной администрации. Что не удивительно, поскольку В.С. Чернов, как никто другой, был знаком с ситуацией, сложившейся в крымском землевладении, и главную проблему видел в «нечистоплотности и недобросовестности» чиновников [7, с. 163]. Схожие проблемы побудили к публичному высказыванию и Н.С. Мордвинова, изложившего свои мысли по сути проблемы в своем «Мнении относительно Крыма» [24]².

В ситуации правового вакуума, в котором оказались простые татары, указ № 17265 от 9 ноября 1794 г. имел и положительный момент. Пусть и с существенными ограничениями, но он впервые законодательно подтверждал за старожильческим населением Крыма право собственности на т.н. «дворянские имения», если таковые принадлежали «им в собственность по наследству, или по иным законным правам». Предполагалось, что в результате указа старые (крымскотатарские) и новые (российские) собственники разойдутся миром. Но оказалось, что «новые собственники» зачастую владели спорными участками. Появилось множество старых владельцев, требующих вернуть им неправильно отобранную собственность. Новый указ переносил эти требования в правовое поле и придавал законные основания. Простые татары, которые, по-видимому, раньше рассматривались государством не иначе как казенные крестьяне, после указа стали с удвоенным энтузиазмом предъявлять претензии теперь уже в качестве потенциальных земельных собственников.

Еще одним следствием указа стал массовый отказ татар нести помещичьи повинности. Если раньше они в силу традиции уплачивали оброк и отрабатывали барщину в пользу беев и мурз, а затем заменивших их российских помещиков, то теперь, претендуя или обретая статус землевладельцев, татарские крестьяне повсеместно прекращали выполнение этих повинностей, которые в сложившейся ситуации, по сути, были актом доброй воли с их стороны. Ведь в Крымском ханстве эти обязанности имели, скорее, религиозно-этическое обоснование, что в Российской империи в отношении российских землевладельцев было исключено. Однако российские помещики изначально приняли отработки как должное за предоставление татарам права вести хозяйственную деятельность на якобы помещичьих землях. Более того, помещики всячески стремились увеличить размеры выплат и отработок, а в случае отказа зачастую применяли силу.

Именно такую ситуацию описывает генерал-поручик Иосиф Иванович Хорват – правитель Екатеринославского наместничества и до 21 ноября 1796 г. – управитель Таврической области и Вознесенской губернии [25, с. 245]:

² Подробнее относительно дворянских проектов см. [7, с. 163-165].

«В проезд мой через Тавриду многие из татар, живущих в деревнях, подали мне жалобы, что некоторые помещики из российских чиновников, коим внутри Тавриды розданы сады, и леса, и земли из числа поступивших в казенное ведомство от выехавших за границу татар или переведенных в Екатеринославскую губернию греков, армян, и других казне, а не частно кому-либо принадлежащих земель, состоящие в чрезполосном владении с <...> татарами <...> имеющими собственные свои сады, леса и земли, дошедшие к ним по наследству от их предков, почитая их [татар] в виде своих крестьян или подданных, а потому [считая] и недвижимые их имения себе принадлежащими, берут по древнему в Тавриде введению из хлеба и др. продуктов десятую часть от годового дохода. А буде кто из сих татар, по основании указа Правительствующего Сената 794 г. ноября 9 дня <...> почитая собственность свою принадлежностью самому себе, от дачи десятинной части продуктов своих совместному чрезполосному с ними владельцу отречется, таковых оные помещики понуждают выходить из селений и земель своих куда захотят, присваивая землю их себе» [26, л. 3, 3 об.; 1, с. 65]. Естественно, что подобные действия помещиков наталкивались на противодействие со стороны татар. Указ от 9 ноября 1794 г. предоставил возможность крымским татарам уже в правовом поле Российской империи доказывать свои права на земельную собственность, чем они и воспользовались. Помимо названных прямых жалоб начальству, было подано большое число исков в суды различных инстанций, сковывающих их работу. Как верно заметила С.П. Дерий, «вряд ли верховная власть прогнозировала такой поворот событий» [7, с. 162]. Действительно, в судебные тяжбы, в той или иной мере, было вовлечено большое количество крымских помещиков. Судебная машина катастрофически не справлялась с решениями земельных тяжб. Список прошений от крымских татар на неправильное завладение землей за 1797-1800 гг., проходящих по одному только Акмечетскому нижнему земскому суду, составлял 88 пунктов. И фигурировали в списке в качестве ответчиков такие известные личности, как князь Г.А. Потемкин, военный губернатор, генерал от инфантерии граф М.В. Каховский, губернатор С.С. Жегулин, бригадир и кавалер П.С. Паллас, адмиралы флота Ф.Ф. Ушаков, Н.С. Мордвинов, О.М. де Рибас, генерал-лейтенант В.М. Попов и др. [27, л. 1-6].

И.И. Хорват, серб по национальности, хорошо знал что такое притеснение веры и нарушение национальных прав, поскольку еще в середине XVIII в. вынужден был вместе с другими своими соотечественниками покинуть родину и поселиться по правому берегу р. Ингул (т.н. Новая Сербия), спасаясь от национального и религиозного гнета австрийского правительства [28]. Возможно, именно в силу этих обстоятельств он искренне проникся положением крымских татар и подробно изложил суть увиденного им в Крыму князю П.А. Зубову «с прошением повеления на составление для разбора прежде

розданных земель при областном правлении Особой Экспедиции», которая должна была бы учинить «достоверные <...> выправки <...> какое число состоит в какой деревне десятин под садами, лесами и землями», и кому они принадлежат; и далее составить на основании выправок «по уездам и селениям книгу для легчайшего по оным <...> разбирательства <...>» [26, л. 4 об.].

Предложение Таврического управителя нашло отклик у князя П.А. Зубова. По-видимому, помимо И.И. Хорвата, к князю обращались с подобными предложениями и другие крымские помещики. Во всяком случае, в рескрипте Екатерины II от 17 сентября 1796 г. по данному вопросу упоминается некое представленное через П.А. Зубова «от депутатов дворянства Таврической области прошение» [26, л. 29]. Рескрипт императрицы состоял из 10 пунктов, касающихся жизнедеятельности крымских татар и их взаимоотношений с новой властью. Пункт 1 был посвящен урегулированию земельных конфликтов. Екатерина II подтверждала действие указа от 9 ноября 1794 г. «Что же касается до отдачи некоторым владельцам под видом оставшихся после выехавших за границу татарских муруз и лежащих впусте земель, кои принадлежат татарским поселянам, – предписывается П.А. Зубову в рескрипте, – о сем прикажите чрез кого Вы рассудите учинить надлежащее рассмотрение и неправильно взятое настоящему хозяину возратить или другим пристойным образом сделать удовлетворение» [26, л. 29-29 об.].

В момент подписания рескрипта императрицей П.А. Зубов, по видимому, находился в столице, поскольку уже через два дня – 19 сентября 1796 г. – отправляет копию этого документа и собственные предписания по его исполнению И.И. Хорвату. Последнему, среди прочего, поручалось создать Особую Комиссию «из верных и испытанной честности людей» для рассмотрения жалоб крымских татар-поселян, «и приведя дело оное в надлежащую ясность обо всем подробно донести мне (П.А. Зубову – Д.К.) ...» [26, л. 28-28 об.]. Рескрипт императрицы довольно оперативно был доставлен в полицейские управления по всему Крыму. В течение октября-ноября в Таврическое областное правление стекались рапорты городничих из населенных пунктов полуострова о получении указа [26, л. 10-20]. По-видимому, для более строгого исполнения на местах, текст указа дополнялся следующим внушением: «... всемерно удалять от них [крымских татар] впредь наносимые им оскорбления, ежели и за сим кто-либо в притеснениях защищаем не будет, то взыщется с управляющих полициями во всей строгости» [26, л. 13]. Далее, в процессе переписки И.И. Хорват получил со стороны П.А. Зубова одобрение своего проекта Особой Комиссии по разборам земельных споров в Крыму. И 17 декабря 1796 г. направил вниз по инстанции предписание правителю Таврической области С.С. Жегулину, где указывает на необходимость создания при Таврическом областном правлении «Особой о разборе вышеозначенных [неправильно отданных] земель Комиссии и

состоящей из Губернского землемера, одного Советника и одного асессора Гражданской Палаты и двух заседателей верхнего Земского Суда» [26, л. 27-27 об.].

Таким образом, проект создания по сути первой Особой комиссии по разбору земельных споров в Крыму принадлежал И.И. Хорвату, исполнявшему должность правителя Екатеринославского наместничества, 1-му присутствующему в наместническом правлении Вознесенской губернии и областном правлении Таврической области. Любопытно, что предписание И.И. Хорвата С.С. Жегулину формально не имело силы, поскольку к этому моменту, т.е. к 17 декабря 1796 г., уже действовал указ нового императора Павла I, согласно которому генерал-поручику Иосифу Хорвату было повелено «остаться при прежней его должности губернатора Екатеринославского, не входя уже в распоряжение губернии Вознесенской и Области Таврической...» [29, л. 105]. Указ был подписан еще 21 ноября 1796 г., но, видимо, в силу расстояния и времени года к середине декабря еще не был известен в Екатеринославе. Более того, к 17 декабря в административной системе Российской империи не существовало уже и самой Таврической области. 12 декабря 1796 г. увидел свет указ императора, который на территории упраздненных Екатеринославской и Вознесенской губерний учреждал Новороссийскую губернию, «присоединяя тут и Область Таврическую, разделяемую просто на уезды сообразно количеству жителей и обширности местной...» [29, л. 144].

По всей видимости, начавшиеся административные преобразования в Новороссии³ не позволили проекту землеустроительной комиссии обрести реальное наполнение. На это обстоятельство указывал и Ф.Ф. Лашков, который достаточно подробно осветил последующие попытки властей организовать работу землеустроительной комиссии в Крыму [1, с. 64; см. также: 2, с. 43-44]. Все они в царствование Павла I не имели какого-либо существенного результата.

Восшествие на престол Павла I ознаменовало собой некоторое смещение акцента в землеустроительной политике Новороссии. Если при Екатерине II Г.А. Потемкин, а затем в меньшей степени П.А. Зубов значительное место в освоении края отводили раздаче казенных земель российским помещикам и заселению огромного региона русскими и украинскими крестьянами, то Павел I, стремительно совершив административные преобразования юга России, стал больше внимания уделять хозяйственному освоению края. Такая тенденция, например, достаточно четко прослеживается при анализе законодательных актов в отношении Таврики. Указы императора направлены на поощрение в Крыму овцеводства, виноделия, шелководства и др. отраслей. Все подобные распоряжения требовали выделения удобных наделов.

³ В Симферополе, например, присутственные места упразднялись и отдавались вместе с губернаторским домом под офицерские квартиры [8, т. 24, 1797, № 17905].

Так, Высочайше утвержденный доклад Экспедиции Государственного Хозяйства совместно с Опекунством Иностранных и сельского домоводства от 15 февраля 1798 г. «О умножении и усовершенствовании виноградного садоводства» предусматривал выделение земель для устройства винодельческих училищ, в том числе и в Крыму: «...нужно будет, для каждого из вышеозначенных предполагаемых по сей части заведений, повелеть отвести в удобных к тому местах по 50 десятин земли» [8, Т. 25, № 18375]. Ощутимые успехи в развитии шелковичного производства обусловили Высочайшее утверждение 22 февраля 1800 г. записки действительного тайного советника князя Гагарина и генерал-прокурора Обельямина «О распространении и усовершенствовании шелковичного производства в полуденных Губерниях России» [8, Т. 26, № 19290]. Этот довольно обширный нормативный акт в пункте 8 предусматривал для распространения шелководства среди прочих использовать «...и оставшиеся в Горной части Крымского полуострова пустопорожные казенные земли». Причем, учитывая, по-видимому, печальный опыт предыдущих раздач и «...для предупреждения всяких по сей части злоупотреблений» предписывалось «каждому частному дворянину отводить не более 1600, а купцу не более 100 десятин». Вскоре, 7 марта 1800 г., был утвержден доклад сената «о разведении в полуденных Российских Губерниях кунжутного семени для делания масла», в котором оговаривалось: «...Высочайше утвержденную раздачу пустопорожных казенных земель в вышеупомянутых губерниях под шелководство распространить и на разведение кунжута, а особливо по Астраханской и Новороссийской губернии... Таковые земли раздавать можно участками от 20 до 100 десятин...» [8, Т. 26, № 19771].

Другим направлением в деятельности Павла I по хозяйственному освоению юга России было заселение и обустройство этого края различными национальными группами, также сопровождаемое щедрыми землеотводами. Греческий батальон планировалось поселить «по берегу Черного моря, начиная от Егорьевского монастыря и Балаклавы до Феодосии», – согласно именному указу, данному генералу от инфантерии М.В. Каховскому [8, Т. 24, № 17905]. Тем же указом одобрялось, «чтобы по большим дорогам в Крыму поселить Русские слободы». Другим указом служащие в Греческом полку обретали статус военных поселенцев и наделялись «около Балаклавы по берегу моря в пристойных местах землями» [8, Т. 24, № 18227]. «Жалованная Грамота на права, преимущества и вольности обществу Армян города Старого Крыма» от 28 октября 1799 г., помимо прочего, предусматривала отвод на выгон «удобной 12000 десятин земли с водами и лесом» [8, Т. 25, № 19168]. Высочайше утвержденный доклад от 6 апреля 1800 г. «О предполагаемых средствах к поправлению состояния Новороссийских иностранных поселенцев, и об учреждении под ведомством

Экспедиции Государственного Хозяйства, Конторы Опекунства Новороссийских иностранных поселенцев» [8, Т. 26, № 19372], главным образом, регулировал деятельность немецких колонистов.

Как видно, столь серьезные преобразования Юга требовали выделения большого количества земельных угодий. Поскольку из-за предыдущих массовых раздач и продаж казенных земель в частные руки стал ощущаться их недостаток, то, очевидно, возникла необходимость остановить этот процесс. Частично проблема была снята уже упоминавшимся нами указом Екатерины II от 23 июня 1794 г., который запрещал бесплатную раздачу казенных земель и поощрял их продажу [8, Т. 23, № 17228]. Большой выгоды казне такой шаг не принес, так как земли покупались помещиками за бесценок, в том числе и с помощью ставших уже традиционными для региона чиновничьих злоупотреблений. О масштабе данного явления говорит тот факт, что позднее, в 1816 г., появилась даже необходимость создания «Высочайше утвержденной особой Комиссии», которая расследовала обстоятельства нарушений, приведших к ситуации, «что в Таврической области до полумиллиона десятин продано казенной земли за бесценок», в результате чего казна несла «чрезмерный убыток, а чиновники, служащие обогащаются на ее счет, пользуясь временем» [8, Т. 32, № 26254]. По-видимому, и Павел I хорошо понимал суть и важность проблемы, и поэтому одним из ранних своих указов от 10 декабря 1796 г. запретил «дозволенную Указом 23 июня 1794 г. продажу в частные руки казенных порозжих земель» [29, л. 132]. Таким образом, до наведения порядка в землеустройстве Новороссии были пресечены пути для новых злоупотреблений. Однако в данной ситуации остались по сути законсервированными во множестве накопившиеся жалобы, судебные споры по земельным делам. Поэтому следующим логичным шагом царской администрации должны были стать мероприятия по урегулированию накопившихся претензий. Именно такую цель преследовал сенатский указ от 25 июня 1797 г. «О начале межевания в Саратовской, Оренбургской, Новороссийской и Симбирской губерниях» [8, Т. 24, № 18019]. В преамбуле этого документа сказано, что император «соизволил обратить свое внимание о доставлении всем владеющим землями в немезеванных губерниях совершенного спокойствия». Далее, в п. 1 специально оговаривается о «соизволении» Павла провести размежевание «больше способом полюбовных разводов, нежели разрешением в Присутственных местах производимых споров». Начать генеральное межевание предписывалось «непременно весною будущего 1798 г.» [8, Т. 24, № 18019]. Интересно, что в сенат данный указ Павел I направил еще 1 апреля 1797 г., т.е. значительно раньше официальной даты указа – 25 июня. С чем была связана такая проволочка – можно только догадываться.

Необходимо заметить, что попытка описи крымских земель предпринималась и ранее. Князь Г.А. Потемкин еще в 1784 г. отдал распоряжение генерал-майору В.В. Каховскому «в полуострове Таврическом сделать опись недвижимым имениям тех владельцев, кои выехали за границу» [30, л. 6]. Опись В.В. Каховский поручил составить коллежскому асессору М. Караценову и откупщику Абдул-Хамит-аге [1, с. 53]. Сделанное к 1787 г. «Камеральное описание землям и садам после вывода христиан и выехавших за границу мурз и поступившим в казну» абсолютно не отвечало предъявляемым требованиям, «составлено примитивным способом, без всяких указаний на количество земли и угодий» [1, с. 53]. Однако, несмотря на вопиющие недостатки, данное описание надолго стало кадастром для определения казенных земель, предназначенных под раздачу.

Итак, в Новороссийской губернии генеральное межевание началось весной 1798 г. По отношению к Крыму подобное мероприятие было обречено на неудачу, поскольку при проведении межевания совершенно не учитывались специфика региона, традиции местного землеустройства и землепользования. Землемерам Межевой конторы, до этого работавшим в Тамбовской губернии, не хватало знаний местных обычаев, они путались в крымскотатарских мерах длины, не разбирались в тонкостях восточного права собственности, из-за недостатка переводчиков зачастую не понимали требований и свидетельств местного населения в отношении владельцев земельных участков.

Ситуация, когда межевание в Крыму проходило без четких предписаний для землемеров, учитывающих специфику местного землевладения, создавали предпосылки для злоупотреблений помещиков, которые, пользуясь, с одной стороны – незнанием землемерами традиций местного землеустройства, а с другой – неосведомленностью местных жителей в земельном праве России и правилах российского межевания, с выгодой для себя использовали данную ситуацию. После работы землемера помещики получали правовые основания на пользование землями, которые были ими ранее незаконно захвачены.

Случаи обмана и злоупотреблений при межевании стали массовым явлением в Крыму и не имели национального разделения, подтверждение чему мы находим в архивных документах. Так, в одном эпизоде созданная позднее комиссия по разбору земельных споров рассматривала жалобу жителей д. Бураксан (совр. с. Меловое Белогорского района [17, с. 76]) на подпоручика Егора Хартулярия, взявшего на откуп дачу, состоящую при д. Биели (совр. с. Горлинка Белогорского района [17, с. 49]) и принадлежащую действительному тайному советнику, молдавскому князю М.И. Кантакузину [31]. Последний владел дачей, которая ранее принадлежала Г.А. Потемкину. И при Г.А. Потемкине, и при М.И. Кантакузине дача обмежевана так и не была, что не мешало, однако, хозяевам поддерживать мирные

отношения с соседями. Откупщик же Е. Хартулярий присвоил себе дополнительные земли и далее путем обмана попытался узаконить самозахват. «Во время генерального отмежевания, когда прибыл землемер титулярный советник Гратинский, то [Е. Хартулярий] показал принадлежащую к д. Биели, ссылаясь на помещиков околичных и на всех бывших при меже, кои, однако же, противу его ссылки не показали, а утвердили все: что земля биельская особо имеет свои признаки <...>» Таким образом, обман подпоручика открылся. Однако каких-либо действий со стороны властей не последовало, и Е. Хартулярий продолжал безнаказанно самовольничать. «<...> И при генеральном межевании хотя землемер формально межевать не приступил, а поставил только черновые (?) столбы; но он Хартулярий притеснения делать не перестает, лишает [нас] нашей собственности безвинно <...>», – жаловались жители деревни [31, л. 29-30].

В другом случае, деревенский мулла пострадал от татарского мурзы. Мулла Асан в своем прошении Новороссийскому губернатору М.В. Каховскому так описывает дело:

«При случае нынешнего формального [т.е. официального] обмежевания в здешнем Ак-Мечетском уезде при деревне Бура (совр. с. Лазаревка Симферопольского района [17, с. 70]), хотя я неоднократно при начале обмежевания сих деревень являясь к землемеру Гратинскому, чрез переводчика при нем находящегося подпоручика Турковского давал знать ему, что при д. Бура большая часть земли мне принадлежит, и для ясного о том доказательства предлагал на рассмотрение письменные документы; но землемер по незнанию его читать по турецки и чрез ухищрения тамошнего помещика Меметча мурзы Салгирского в неправильном присвоении принадлежащей мне земли, отвергнув оные и не приемля от меня ничего в резон, приместив в одну округу и мою землю, начал примежевывать к его даче и между тем неоднократно в оспаривании моего права был от помянутого Меметчи мурзы обруган, и угрожаем вовсе лишением донныне владеемой бесспорно мною земли; чрез то самое остаюсь я без всякой причины обиженным; по чему <...> прошу чрез кого надлежит или приостановит спорное межевание, или по приложенным от меня документам приказать вырезать на мою часть земли, сколько по оным значится будет <...> Июля 27 дня 1798 г.» [32, л. 1, 1 об., 88]. Дело затянулось, истец вскоре умер, а наследники, по-видимому, безуспешно пытались решить дело в Комиссии 1802-1810 гг.

Помимо указанных проблем, землемеры в Крыму сталкивались со множеством других трудностей, разбор которых – тема для отдельного исследования. В качестве же иллюстрации неуспешности генерального межевания в Крыму в конце XVIII в. приведем «Ведомость примерному исчислению, учиненному с присланных из губернского правления 7 и 10-ти верстных карт» [33, л. 34]:

	Изчислено по присланным из губ. правления картам	Обмежевано и поверены конторскими землемерами и неповеренные, а планы состоят у землемеров	За тем осталось к обмежеванию
В Акмечетском	1788933 дес.	340935 дес. 1799 саж.	1447998 дес.
В Перекопском	639627 дес.	20639 дес.	618988 дес.
Всего в п-ве Крымском по Перекоп	2428560 дес.	361574 дес.	2066986 дес.

Таким образом, лишь 15% от общей площади было обмежевано. Но и эти обмежеванные земли в большинстве своем оставались не сверенными с планами.

В целом, вместо желаемого успокоения межевание в Крыму принесло дополнительные проблемы и поставило новые вопросы в землеустройстве края. Увеличилось количество жалоб со стороны старожильческого населения, в которых теперь уже звучали претензии на неправильное обмежевание.

Политику Павла I в сфере земельных отношений в Крыму можно охарактеризовать как противоречивую, что, однако, вполне укладывалось в канву общероссийской специфики государственного управления, сложившейся при императоре. На фоне активного хозяйственного освоения полуострова, Павел I пытался с помощью межевания, создания Комиссии по разбору земельных споров решить или хотя бы сгладить земельную проблему крымских татар и тем самым завоевать их доверие. Одновременно он идет на уступки российским помещикам и, согласно указу от 13 июля 1800 г., оставляет за владельцами навсегда «все те земли, которые владельцами в продолжение 10-летней льготы хотя не заселены, но поземельные с них деньги в казну вступают исправно» [34, № 20219, с. 1], тем самым усугубляя противоречия в праве собственности на эти земли между крупными землевладельцами и крестьянами.

В целом, в последнее десятилетие XVIII в. в основном заканчивается массовая раздача и распродажа земельных наделов в Крыму. Не ставя под сомнения заслуги Г.А. Потемкина в хозяйственном освоении края, все же следует заметить, что применяемые им методы были зачастую авантюрными и волюнтаристскими. Особенно это касается политики в сфере распределения земли. В последнее десятилетие XVIII в. происходит своеобразное переосмысление ситуации, к которой привела политика Г.А. Потемкина в Крыму, осуществляются попытки стабилизировать ситуацию, происходят поиски путей дальнейшего урегулирования и развития. Именно в этот период обострилось недовольство существующим положением как со стороны простого старожильческого населения, так и со стороны российских помещиков. Первые были недовольны ущемлением своих традиционных свобод и прав собственности,

вторые не были уверены в прочности и законности своих земельных владений, полученных из казны по ордерам Г.А. Потемкина и П.А. Зубова.

Огромное значение в земельных отношениях на Крымском полуострове имел указ от 9 ноября 1794 г., который законодательно оформил права собственности простых татар на «дворянские имения», но в то же время ограничил возможность приобретения земель в дальнейшем одними дворянами, что, в первую очередь, задевало права мусульманского духовенства.

После указа владельческие права крымских татар впервые оказались четко вписаны в правовое поле империи. Однако вне юридической фиксации остались другие общественно-религиозные институты (например, общинное землевладение, правило «оживления мертвой природы», вакуфы и др.), которые являлись традиционными для жизненного уклада населения в Крымском ханстве. С опубликованием указа появилось огромное число претензий от крымских татар, которые желали получить или вернуть свои владения. В то же время у крестьян в Крыму, как правило, отсутствовали принятые в Российской империи документальные основания на право владения землей. Этим с выгодой для себя активно пользовались помещики-дворяне (как российские, так и татарские), которые, опираясь на местных чиновников, с помощью разнообразных ухищрений присваивали себе чужие земли. Попытки власти уладить недоразумения с помощью Комиссий по разбору споров были неудачны в силу неорганизованности их работы.

Осознавая, что урегулирование невозможно без знания четких границ владений, во всей Новороссийской губернии весной 1798 г. было начато генеральное межевание. В Крыму с межеванием возникли большие трудности, поскольку здесь оно проходило на общих основаниях с другими российскими губерниями. А между тем, в силу местной уникальности земельных отношений, данный регион требовал отдельных правил для межевания и четких инструкций для землемеров. Межевание в Крыму не достигло своей цели. Проблемы в земельных отношениях решены не были.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

1. *Лашков Ф.* Исторический очерк крымско-татарского землевладения // ИТУАК. Симферополь, 1896. № 24.
2. *Воскресенский А.* Татары и землеустроительные комиссии в Крыму // Вестник Таврического земства. 1907. № 7-8 (апрель).
3. *Блюменфельд Г.* Крымско-татарское землевладение (историко-юридический очерк). Одесса, 1888.
4. *Дружинина Е.А.* Северное Причерноморье в 1775-1800 гг. М., 1959.
5. *Секиринский С.А.* Аграрные отношения в Крыму в период позднего феодализма (XVI – п. XIX вв.). Симферополь, 1984.
6. *Рославцева Л.И.* Крым в составе Российской империи. // Тюркские народы Крыма: караимы, крымские татары, крымчаки. М., 2003.
7. *Дерий С.П.* К вопросу о деятельности комиссии по разрешению земельных споров (1802-1810 гг.) // МАИЭТ. 1993. Вып. III.

8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830.
9. *Конкин Д.В.* Законодательное оформление земельной собственности в Крыму (1783-1796 гг.) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII.
10. *Марков Е.Л.* Очерки Крыма: картины крымской жизни, истории и природы. Симферополь, 1994.
11. *Пейссонель.* Записки о состоянии гражданском, политическом и военном Малой Таврии // Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. Часть первая. Мусульмане: крымские татары, крымские цыгане. Симферополь, 2004.
12. ГААРК, ф. 801, оп. 1, д. 7.
13. *Сухомлина С.П.* Предводители дворянства Таврической губернии // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 1998. № 5 (декабрь).
14. ГААРК, ф. 799, оп. 1, д. 428.
15. *Прохоров Д.А.* Органы управления Таврической области после присоединения Крыма к России (1783-1787 гг.) // МАИЭТ. 1996. Вып. V.
16. ГААРК, ф. 24, оп. 1, д. 38.
17. Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783-1998 гг. Симферополь, 1999.
18. *Сухомлина С.П.* К истории формирования таврического дворянского общества // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 1998. № 6.
19. ГААРК, ф. 24, оп. 1, д. 28.
20. ГААРК, ф. 24, оп. 1, д. 10.
21. ГААРК, ф. 24, оп. 1, д. 11.
22. ГААРК, ф. 24, оп. 1, д. 22.
23. ГААРК, ф. 24, оп. 1, д. 24.
24. *Мордвинов Н.С.* Мнение относительно Крыма // Русская старина. 1872. № 2.
25. *Макидонов А.В.* Светская и церковная власть Новороссии (Екатеринославская, Херсонская, и Таврическая губернии) первой половины XVIII-XIX века // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2002. № 39.
26. ГААРК, ф. 799, оп. 1, д. 445.
27. ГААРК, ф. 24, оп. 1, д. 236.
28. *Пауштин А.Н.* Исторический очерк г. Елисаветграда // http://www.mvsite.com.ua/xdem6425/pagesxdem6425/1_1.html.
29. ГААРК, ф. 799, оп. 1, д. 454.
30. ГААРК, ф. 801, оп. 1, д. 37.
31. ГААРК, ф. 24, оп. 1, д. 1.
32. ГААРК, ф. 24, оп. 1, д. 22.
33. ГААРК, ф. 24, оп. 1, д. 6.
34. Узаконения, относящиеся до Новороссийского края и Крымского полуострова. Б.м., 1850.

Konkin D. V.

**Some Aspects of Land-Law Relations in the Crimea
in the Last Decade of the 18th Century**

Summary

Some peculiarities in land-law relations in Crimea, developed in the period after the death of G. A. Potemkin till the end of the rule of Paul I, are scrutinized in this article. Problems of organization of use of land in Crimea are indicated with the help of new archive data; attempts of tsar's administration to eliminate these problems are revealed with the help of the analysis of legislative acts. The problem of inconsistency between religious, legal, cultural traditions of local population and traditions and rules of Russian Empire was broached. Some difficulties, emerged in the sphere of landownership in the region due to not adequately correct adaptation of Russian state machine of old resident population of the Crimea, are also named in this article.